

**Секция
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ,
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ
ДОСУДЕБНОГО И СУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА
ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ**

Стойко Н.Г.,

доктор юридических наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный
университет (г. Санкт-Петербург)

ВЕКТОР РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

С современной (криминологической) точки зрения государство на протяжении всего его существования так или иначе ответственно за безопасность своих граждан и потому, особенно в сфере уголовного процесса, должно действовать (не может не действовать) в общих интересах (даже если властвующая элита преследует узкоэгоистические цели и воспринимает любое преступление лишь как угрозу самой себе). Эти интересы обезличены, то есть являются публично-правовыми или законными интересами (Тихомиров Ю.А., 2008; и др.), когда даже частное притязание рассматривается и поддерживается как притязание на охраняемое государством благо. Что касается личных интересов конкретных людей (жертв и преступников), а также интересов местных сообществ, то они признаются и защищаются лишь в том случае, если узаконены государством (Стойко Н.Г., 2006; и др.).

Иначе говоря, можно утверждать, что уголовный процесс изначально сформировался и развивался именно как средство реализации уголовной политики. Отсюда следует определенное сходство основных уголовно-политических направлений исторического развития национальных видов уголовного процесса и своеобразных им институциональных построений и порядков деятельности. В широком культурном и социально-экономическом контексте, а также с уче-

том взаимовлияния и взаимопроникновения национальных правовых систем (правовых заимствований) на всем протяжении их исторического существования такое сходство представляется неизбежным.

Разумеется, это отнюдь не исключает национального своеобразия и даже предполагает уникальность конкретных (не абстрактно-отвлеченных) политических и правовых черт уголовного судопроизводства той или иной страны или ряда стран. Как справедливо отмечает Л.В. Головкин, «если рассматривать процессуальный порядок производства по уголовным делам в отдельно взятом конкретном государстве в определенный период его истории, то он будет по многим компонентам не только существенно отличаться от того, что имеет место в других государствах, но и чаще всего окажется неповторим по сравнению с теми процессуальными порядками, которые существовали в том же самом государстве на иных исторических этапах его развития» (Головкин Л.В., 2016). Однако указанная неповторимость процессуальных порядков не означает их несравнимости. Напротив, она требует сравнения их между собой в целях определения исторически заданного, хотя и скрытого в самобытных чертах, но проявляющегося в политических и правовых традициях, вектора развития того или иного национального вида уголовного процесса (Головкин Л.В., 2016).

Очевидно, что такое сравнение практически необходимо и «особенно важно в период проведения глобальных реформ (новых уголовно-процессуальных кодификаций)» (Головко Л.В., 2016), который в настоящее время переживает (и ранее переживала) наша страна. Речь идет об использовании при реформировании законодательства исторических и идеальных моделей уголовного процесса. Эти модели создавались учеными разных стран на протяжении XIX-XX веков (и частично начала XXI века) и отражают весь процесс поэтапного «складывания» судеустройственных и судепроизводственных форм в их историческом стремлении к технической универсализации (Стойко Н.Г., 2006). При этом практически все исторические модели (к каким бы авторам мы ни обратились) появляются в результате обобщения реальных признаков уголовного процесса, существовавшего в ту или иную историческую эпоху у тех или иных народов (главным образом, европейских), соотносятся с формой государства, общественным и жизненным укладом, связываются с интересами государства, общества и конкретных людей (Гартунг Н., 1868; и др.). Хотя эти модели и представляют собой своего рода «извлечения» из национально-правового контекста, но они на него явно опираются, учитывая конкретные исторические обстоятельства места и времени образования и периода развития той или иной формы.

Что касается идеальных моделей, то они появились как результат предельного «отвлечения» от исторических форм и национальной специфики уголовного процесса, хотя и претендуют на обобщенную характеристику его современного состояния с опорой на технически универсальные («чисто» абстрактные) признаки. В 2016 году, действуя в сравнительно-правовом подходе (следуя за рядом других авторов и обобщая их позиции), Л.В. Головко выделил две идеальные модели уголовного процесса, возникшие в итоге его исторического развития, – обвинительную и инквизиционную (в дальнейшем именуемые им англосаксонской и континентальной). Затем он,

действуя в историческом подходе, разделил их на архаические и современные (тем самым придав им значение исторических моделей): архаическая обвинительная и современная обвинительная (обвинительно-состязательная) модели; архаическая инквизиционная и современная инквизиционная (смешанная) модели. Причем подобным образом указанный автор скорее характеризовал историческую поступательность видоизменения соответствующих моделей уголовного процесса, а не конкретные исторические этапы его развития. Хотя, разумеется, в конкретном изложении Л.В. Головко учитывал общую историческую схему поэтапного развития уголовно-процессуальных форм. Если основываться на тексте данного им описания перечисленных выше моделей, эта схема (по крайней мере, в нашей интерпретации) может выражаться в двух вариантах (во времени и пространстве):

Первый вариант: 1) период архаически-обвинительного процесса (исторически первый для всех стран); 2) период формирования архаически-инквизиционного или розыскного процесса (период вытеснения или замены первой формы с полным отделением уголовного процесса от гражданского); 3) период развития и господства «чисто» инквизиционной (розыскной) формы (на территории стран континентальной Европы, их колоний, России); 4) период становления, распространения и развития смешанной формы процесса («революционное» преобразование «старой» розыскной формы в «новую» инквизиционную).

Второй вариант: 1) период архаически-обвинительного процесса (исторически первый и общий для всех стран); 2) период самостоятельного существования обвинительного процесса в Соединенном Королевстве, его распространения в колониях Британской империи (параллельно с периодами существования розыскного процесса и частично смешанного процесса); 3) период фундаментальной трансформации обвинительной формы в обвинительно-состязательную; 4) период развития обвинительно-состязательной формы.

Очевидно, в историческом подходе оба варианта разнонаправленны и завершаются общим (современным) периодом универсализации инквизиционной (следственной) и обвинительной (обвинительно-состязательной) моделей уголовного процесса на основе общих правовых ценностей (периодом идеологической конвергенции) при сохранении исторически обусловленного принципиального различия технического построения каждой из них (технического своеобразия и разнообразия) (Головки Л.В., 2016).

Отсюда вытекает, что национальные виды уголовного процесса, обладающие общей уголовно-политической природой, первоначально имели один общий вектор развития своих технических форм (в пределах первого этапа), а затем стали развиваться разнонаправленно – соответственно обвинительному и инквизиционному началам.

Российское уголовное судопроизводство развивалось в соответствии с инквизиционным началом и уже в XIX веке совершенно очевидно было «революционно» преобразовано в «новый» инквизиционный процесс, построенный на сочетании ярко выраженного розыскного начала (ориентация на материальную истину) с независимостью судебной власти. Выбор вектора развития был определен окончательно. Существование института суда присяжных, созданного по англосаксонскому образцу, принципиального значения не имело по причине ограниченности его юрисдикции и отсутствия у него централизирующей роли в уголовном правосудии.

В советский период (большая часть XX века) построение российского уголовного процесса в целом не изменилось, несмотря на утрату судом независимости как органа власти (партийное руководство и высший прокурорский надзор). Суд присяжных был упразднен.

В постсоветский период (начиная с конца XX века и по настоящее время) российский уголовный процесс практи-

чески не изменил своей инквизиционной природе: независимость суда как органа власти была восстановлена, ориентация на материальную истину сохранена. Суд присяжных был возрожден почти в том же виде, каким он был в XIX веке (с ограниченной юрисдикцией и отсутствием централизирующего влияния на уголовный процесс).

Иначе говоря, российский уголовный процесс в настоящее время полностью соответствует идеальной современной инквизиционной (следственной) модели, обозначающей исторически predetermined вектор ее развития. Переход к другой модели (современной обвинительно-состязательной) и тем самым смена вектора не имеет под собой ни теоретических, ни практических оснований. Дело заключается в том, что такой переход (смена) будет означать для России не просто отказ от своего собственного богатого исторического наследия, но и возникновение серьезного риска разрушения собственной уголовно-процессуальной системы (декультурации). В результате модернизация уголовного процесса может оказаться под вопросом, поскольку очевидно, что при таком подходе не учитываются многообразные социальные факторы (экономические, идеологические, культурные, политические, национальные, психологические и т.д.). Не следует забывать, что уголовный процесс, как и в целом правовая система любой страны, есть результат ее исторического развития, это своего рода культурно-исторический феномен, лишаясь которого страна фактически теряет значительную часть своей культуры и в конечном счете самостоятельность. Разумеется, необходимо критически относиться к своему правовому прошлому и настоящему, но не как к правовой отсталости, а как к правовому наследию, устремленному в будущее (в том числе и с учетом другой идеальной модели и соответствующего ей правового опыта).